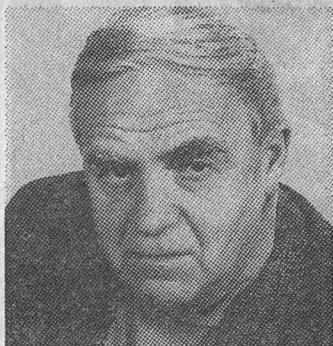

СТРАХ ПО ГРАНИНУ

Люди не хотели знать, кто на них доносил

В Петербурге недавно вышла в свет книга известного писателя Даниила Гранина «Страх». В ряду рассказов, очерков и эссе — особое место занимает повествование о страхе, созданном системой тоталитаризма.

Это чувство, знакомое поколениям, пережившим время жестоких репрессий, превращало людей в бессловесных рабов. «Осмыслить природу страха во множестве ее видов — дело философов и психологов, я всего лишь хочу рассказать о том, что испытал сам и что испытывают люди вокруг меня», — пишет Гранин.

Наш корреспондент попросил Даниила Александровича рассказать о том, что привело писателя к этой теме.

— Я давно уже думаю о том, что наши историки, литераторы занимаются в основном историей фактов, событий. Но ведь существует еще и история чувствования. В разное время люди по-разному испытывали стыд, страх, любовь... Чувства сопровождают человека всю его жизнь и служат причиной многих событий. Вот я и заинтересовался «историей чувств».

— А почему вы избрали именно страх?

— Это, по моим представлениям, наиболее значительное чувство, определяющее во многом нашу жизнь. Человек любит наслаждения жизнью и боится потерять их. Боится лишиться своего здоровья, своей чести. Сильнее всех прочих страх потерять своих детей, близких, ради них он готов жертвовать собой. Это выражение высшей любви. Страх постоянно сопровождает любовь — как тень.

Что же касается нашего поколения, жившего в советское время, то всем нам присущ политический, гражданский страх. Боязнь того, что нас подслушивают, что вот-вот могут «взять». Нельзя проговориться, опасно открыть то, что запрятано в тайниках души. Мне захотелось поделиться с читателями своими наблюдениями над тем, как этот страх искажал нашу жизнь, калечил людей. Причем не одного поколения. Одни страхи сменялись другими, все более массовыми, грозными. Родители передавали их детям, дети — своим детям. Страх выводил из жизни самых активных, талантливых. Шла отрицательная селекция, сохранялись посредственности — робкие, покорные... Дети, окруженные запретами и ложью, росли неуверенными в себе.

— Даниил Александрович, ваша книга — это отражение личных переживаний, событий нашей жизни?

— Отчасти да, но не только. Мне хотелось рассказать о страхах не просто теоретически, а на основании того, что я сам видел, что пережил сам. О том, что творилось со мной и вокруг меня. Как все это происходило.

В советское время гражданский, политический страх влиял решительно на все стороны жизни. На любовь и дружбу, на быденные взаимоотношения, на искусство... Мой отец в начале тридцатых годов был выслан в Сибирь, лишен избирательных прав. Отца я любил, и это помогло преодолеть отчуждение, которое в те времена неизбежно со-

путствовало «сыну лишенца».

Мне рассказывал великий русский актер Евгений Лебедев, как он скрывал от всех, что его отец был священником. Как тайком ездил к нему в Поволжье повидаться. Прошли с тех пор десятилетия. Отец Лебедева умер, а сын еще долго, до конца дней своих испытывал чувство вины перед отцом.

— Но были, наверное, и бесстрашные люди...

— Да, я преклоняюсь перед силой духа академика Сахарова. Я был с ним знаком, и мне казалось, что он не знает страха. Казался мне бесстрашным и великий наш режиссер Георгий Товстоногов, но в книге я рассказываю об одном состоявшемся с ним доверительном разговоре. Я был убежден, что всемирно известному режиссеру не страшны самоуправства партийных чиновников и прямо об этом сказал Георгию Александровичу: «Что они смогут с вами сделать? Ничего! Вы защищены вашим именем». И вдруг он говорит: «Вы знаете, я их боюсь». Честно говоря, я и сам их боялся, но не смел себе в этом признаться, а Товстоногов смел.

Удивительной смелостью обладал Михаил Зощенко. Сломить его партийным идеологам так и не удалось.

Страхи в то время рождались самые разные. Гранин пишет в философском эссе: «Я не раз наблюдал, как люди избегают знать, кто на них доносил. Это новый страх — лишиться, может, близких друзей, а может, и родных. Осведомители могли оказаться и в семье. Эта всепроникающая угроза стукачества не отпускала человека, где бы он ни находился».

— Даниил Александрович, вы говорите о страхах, так сказать, в прошедшем времени. А разве сейчас их стало меньше?

— Едва ли. Мы пытаемся освободиться от политического страха, но появились новые страхи — страх темного двора, страх улицы, страх неопределенности, страх безработицы... Живут в народе и древние страхи перед судьбой, колдунами,глазом. Нет, далеко не свободен человек от страхов!

...Книга Гранина — это попытка художника с историко-философских позиций исследовать одно из многих и, может быть, самых сильных человеческих чувств. Автор рассказывает и о своих детских страхах, об ужасах войны и блокадных дней, о том, что и как переживали его друзья, знакомые. В утверждении своих философских позиций Гранин опирается на документы, на мудрость древних, на святое писание.

«Обычный человек — это арена борьбы добра и зла, страха и отваги. Их поединки у каждого проходят по-своему, — пишет Гранин в конце книги. — Достигнуть свободы можно, лишь преодолев страх. Пожелаем же этого и друг другу!»

Дмитрий СТРУЖЕНЦОВ.
С.-ПЕТЕРБУРГ.